

З.Г. Сактаганова

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

К историографическому дискурсу проблемы «Российская революция 1917 г. и Казахстан»

В статье рассмотрены историографические срезы всего комплекса исследовательской литературы об Октябрьской революции в Казахстане. Автор выделяет 3 наиболее крупных пласта научных публикаций: первое пласт-направление — условно обозначенное радикальное (немарксистское), куда отнесены публикации авторов, которые были относительно свободны от необходимости приспособлять эти события к определенным схемам, интерпретировали их в зависимости от своего наблюдения, видения и оценки событий 1917 г.; второе направление — официальное, ортодоксально-большевистское, куда входят исследования, выстроенные на марксистско-ленинской методологии, и третье — составляют работы, представленные в рамках исторического ревизионизма, предлагавшие ревизию сложившихся исторических концепций в отношении Октября 1917 г., но сохранившие черты советской историографии. Для казахстанской историографии характерны научные публикации в контексте всех трех направлений или срезов. И каждый из данных пластов так или иначе проявлялся в разные хронологические отрезки времени. Также автором предложен фрагмент из современной зарубежной историографии по теме статьи.

Ключевые слова: российская революция 1917 г., Октябрь 1917 г. и Казахстан, история Казахстана, историография истории Казахстана, историография Октябрьской революции 1917 г. в Казахстане.

Революция живет в истории не только как «прошлый катаклизм», но и как «живой миф», под который подстраивается сознание современных исследователей. Нельзя не согласиться с российским историком В.П. Булдаковым, который писал, что достоинства историографии любой революции измеряются не степенью ее свободы от идеологизированности и политизированности, а способностью преодолеть и то и другое. Российская историография революции сегодня, по его мнению, определяется коммеморативными импульсами, задаваемыми властью и политиками. Современной российской власти, отмечает автор, не нужны никакие революции. «Соответственно этому многими российскими исследователями движет вульгарное стремление «отметиться», «разоблачая», Октябрьскую революцию» [1]. Думаю, что этот концепт в полной мере можно отнести и к казахстанской историографии событий Октября 1917 г.

Попытки оценить написанное по истории Октября предпринимались неоднократно. Только в советской историографии обозначено более 15 тысяч книг, брошюр и статей. Есть ряд историографических работ в казахстанике по озвученной проблеме (С.Н. Покровский, Г.Ф. Дахшлейгер, З.А. Алдамжаров и др.), но все они не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии. Вышедшее в 1991 г. исследование М.К. Козыбаева об историографии Октября и гражданской войны, хотя и обозначило наиболее значимые проблемы и лакуны, но в целом сохранило теоретико-методологические посылы советской историографии [2].

Несомненно, что каждое поколение пишет «свою» историю, и это свойственно всем эпохам, революции же совершенно иначе, по-новому «возрождаются» в памяти последующих поколений. Но к революционной тематике, как к никакой другой, обращаются регулярно. Действительно, все революции отмечены особого рода коммеморативностью. Достаточно отследить очередной вал публикаций в историографии предыдущего столетия (в частности, в казахстанской), и он, как правило, приходится на 7-й или 8-й год каждого десятилетия. Особенно контрастно этот бум отслеживается во второй половине XX в.

В российской историографии, как обозначается в исследованиях, «два подхода к революции оказали наибольшее влияние на умы современников: меньшевистская концепция, объявившая ее «незаконным переворотом», ибо она не вписывалась в теорию К.Маркса, и официальная советская историография, до такой степени старавшаяся подогнать события современности под интересы существующей власти, что ухитрилась оставить в наследство после себя лишь набор голых лозунгов. Таким образом, изучение истории Октября в советский период протекало не в рамках единой идеологии,

а двух различных подходов — декларативного революционаризма и подспудного государственничества. С различными интерпретациями этого «наследия» и приходится сталкиваться нашему современнику» [1].

В казахстанской историографии подходов к анализу этой проблемы было несколько больше, чем два, но, правда, этот плюрализм мнений проявился лишь в 1920-х гг., затем на смену этим подходам пришел один — официальный. Но об этом позже.

В целом, если вести речь об историографических пластах во всем комплексе исследовательской литературы об Октябрьской революции в Казахстане, следует выделить 3 наиболее крупных среза научных публикаций: первое направление, условно названное нами радикальное (немарксистское), — это публикации авторов, которые были относительно свободны от необходимости приспособлять эти события к определенным схемам, интерпретировали их в зависимости от своего наблюдения, видения и оценки событий 1917 г., второе — официальное — это ортодоксально-большевистские исследования, выстроенные на марксистско-ленинской методологии; третье направление — работы в рамках исторического ревизионизма, предлагавшие ревизию, пересмотр сложившихся исторических концепций в отношении Октября 1917 г., но сохранившие некоторые черты советской историографии. Сразу же хотим отметить, что для казахстанской историографии характерны публикации в контексте всех трех направлений или срезов.

Каждый из данных пластов так или иначе проявлялся в разные хронологические отрезки времени. Небольшой фрагмент современной зарубежной историографии мы кратко представим в конце статьи, основной же акцент сделаем на публикациях, имевших место быть в Казахстане.

Если же вести речь об этапах казахстанской историографии, то возможно, на наш взгляд, выделить 3 основных этапа изучения проблемы «Октябрь 1917 г. и Казахстан» (1920 – сер. 1930-х гг.; сер. 1930-х – 1991 гг., 1991 – по настоящее время).

Первый этап — с 1920 до середины 1930-х гг. — период, когда основная часть публикаций была написана свидетелями, очевидцами, а чаще всего непосредственными участниками этих событий. В силу этого доминирующего, как мы считаем, обстоятельства (когда очевидцы этих событий еще присутствовали на исторической сцене, иногда в качестве главных персонажей) отмечается весьма разнообразная палитра таких трудов. Причем следует отметить скорее публицистический или пропагандистский, чем научный характер работ.

На данном этапе проявляется три четко очерченные и различные по методологии группы публикаций. Это ни в коей мере не означает, что в 1920-е гг. наблюдалась «деполитизация или деидеологизация научных или околонучных публикаций». Руководство большевистской партии пыталось внимательно следить за ситуацией и контролировать идеологическую сферу общественной жизни, используя разнообразный набор приемов и методов для установления тотального контроля. И все же до конца 1920-х гг. собственно в центре и до сер. 1930-х гг. в Казахстане (этот период несколько затянулся на национальной периферии в силу занятости центра), несмотря на некоторые достаточно жесткие действия в отношении инакомыслящих, степень государственно-политической опеки над общественными науками была относительно невелика (особенно в сравнении с последующими годами). Как мы отметили ранее, об этом свидетельствовали публикации и дискуссии 1920-х – начала 1930-х гг. В эти десятилетия в условиях почти полного отсутствия профессиональных историков в Казахстане авторами работ по истории Октября 1917 г. выступали либо партийные, государственные деятели, поэтому их небольшие по объему публикации, вызванные политическими, идеологическими потребностями, имели не только прикладной характер, но являлись своеобразным продолжением их политической деятельности, либо представители национальной интеллигенции.

К первой группе можно отнести публикации авторов, которых мы условно назвали радикальными. Их оценка событий 1917 г. полярно отличается от ставшей впоследствии официальной — ортодоксально-большевистской. Появление таких работ закономерно, эта оценка стала проявлением присутствия или участия этих людей в октябрьских событиях, а партия еще не начала тотальную борьбу за «чистоту умов». Партийный диктат и цензурирование еще не стали тотальными. Авторы этого среза представляют дихотомные группы: большевиков, которые устанавливали советскую власть в степных районах Казахстана и Туркестана, и представителей алашской национальной интеллигенции. Труды большевиков представлены работами Г. Сафарова, Г. Тогжанова и других, исследовательскими публикациями С. Брайнина и Ш. Шафиро, труды национальной интеллигенции представлены статьями А. Байтурсынова, А. Букейханова, М. Чокаева и других.

Несмотря на полярные идеологические установки, лейтмотив их публикаций имеет значительные области общего звучания. Все авторы утверждают, что революции в Казахстане, Туркестане (мы имеем в виду Казахские области) как таковой не было и «активное участие трудящихся народных масс в революционных событиях» никоим образом в этих работах не отслеживается.

Одним из первых анализ событиям 1917 г. был дан Г.И. Сафаровым в работе «Колониальная революция. Опыт Туркестана» (М., 1921 г.), написанной на основе материалов, собранных на месте особой комиссией ЦК РКП(б) по делам Туркестана, и личных наблюдений самого автора. Г.И. Сафаров утверждал, что до 1917 г. в Туркестане не было никаких условий для победы революции. Он отмечает, что с 1905 г. в мусульманских кругах начинается национально-культурное движение, но никакой связи с революционными событиями в России у этих процессов не было. «До революции 1917 г. никакой революционной идеологии, связанной с условиями Туркестана, даже никакой объединяющей связи в слабых намеках на революционное движение в среде русского населения, никакой революционной организации масс, никакой революционной традиции — нет. Между толщей угнетенных наций и русским пришлым населением — непроходимая стена взаимного непонимания на почве национального неравенства». И более того, автор отмечает, что в революцию 1917 г. «Туркестан вступил вполне «первобытно»» [4; 89].

Февральскую революцию Сафаров обозначает как «телеграфную». Излагая события осени 1917 г. в Ташкенте, Сафаров отмечает, что краевой совет Туркестана всячески избегал «бремени власти» и 28 октября, когда большевики уже захватили власть в центре, краевой совет выносит решение: «обсудив создавшееся общеполитическое положение в стране, мы, присутствующие на сем заседании члены краевого совета солдатских и рабочих депутатов, высказываемся против перехода власти Советам, а тем более в руки большевиков, и считаем, что власть до созыва Учредительного собрания должна оставаться в руках временного правительства как в центре, так и в Туркестане» [4; 107]. Уже позже, 2 ноября, из-за отказа взять единолично власть в свои руки краевой совет предложил организовать временный краевой Туркестанский исполнительный комитет.

А спустя 2 недели (19 ноября) на III съезде советов Туркестана была принята Декларация-резолюция, по которой мусульманское население было лишено права участия в органах высшей краевой власти. Исходя из этих и последующих событий, Сафаров делает вывод: «в то же время — политически — был закреплен колонизаторский характер новой советской власти в Туркестане» [4; 107]. Далее он отмечает, что «партия большевиков здесь не руководила событиями. Ее не было... В Туркестане не партия большевиков создала советскую власть, а советская власть, необходимость утверждения власти Советов, создала здесь партии большевиков и левых эсеров» [4; 115].

В другой работе («Проблемы Востока») он повторяет выводы, сделанные в первой: «К Октябрьской революции восточные окраины не были подготовлены, отсталые полупролетарские и крестьянские массы жаждали прежде всего национальной свободы и шли за своими верхами» [5; 161]. Эта мысль звучит и в публикациях других авторов. «Большевики как отдельная организованная группа не существовали не только до октябрьского переворота, но и после него, и только на 1 съезде в 1918 г. оформилась партия большевиков», — отмечает в своей статье и Н. Борисов [6; 22].

Несколько пограничное в этой дихотомии положение занимают публикации С. Брайнина и Ш. Шафира. Не проявляя радикальных, немарксистских взглядов, они все же сообщают в своих исследованиях об отсутствии широкой социальной базы в событиях октября 1917 г., например, в Семиречье [7].

Об отсутствии среди казахов революционного пролетарского движения, о неучастии казахского населения в событиях Октября (в 1917 г. они составляли, по данным М. Тынышпаева, более 76 % населения степного края) пишут и казахские коммунисты. В частности, Г. Тогжанов в ряде своих работ повторяет мысль о едином национальном движении среди казахов, об отсутствии предпосылок социалистической революции. «До революции кроме националистических движений других движений не было... национализм был всеобщим желанием казахов, национализм был направлен против царизма и русской буржуазии. Как мы неоднократно прежде указывали, до революции казахский народ, включая бая и бедноту, выступал совместно против царизма. Повели народ против царизма казахский бай и вышедшие из их среды интеллигенты. Не было бедняков, отколовшихся от этого движения с самостоятельным классовым требованием» [8].

Вторая группа публикаций 1920 – сер. 1930-х гг. — труды национальной алашской интеллигенции, которая не приняла Октябрьскую революцию. А. Байтурсынов писал: «Насколько понятна была киргизам (казахам. – З.С.) Февральская революция, настолько же непонятной показалась им Октябрь-

ская... С какой радостью они встретили первую революцию, с таким же ужасом им пришлось встретить вторую.... Первая революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить заветную мечту — управлять самостоятельно...» [9].

А. Букейханов октябрьские события 1917 г. воспринял крайне негативно: «Власть была захвачена демагогами, которые хотели установить в Российской республике диктатуру пролетариата» [10; 6]. Его реакция также была обозначена в докладе на II Всеказахском съезде: «В конце октября пало Временное правительство. Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, что анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа...» [11; 68, 69]. Оценивая в целом власть большевиков, уже в декабре 1917 г. Букейханов категорично утверждал: «Ульянов-Ленин, Председатель народных Комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желая давать отчета ни перед кем, контроль народа над распоряжением правителей называет «буржуазным предрассудком»... Запомните крестьяне, рабочие и солдаты, большевики считают: 1) Ответственность перед народом правителей, 2) Свободу слова, свободу печати, свободу собрания, 3) Всеобщее, прямое, тайное голосование, 4) Неприкосновенность граждан депутатов, 5) Власть народа буржуазным предрассудком... с лица большевика спала красная маска революционера и обнажила его сущность черносотенца» [12; 414].

М. Чокаев отмечал, что в Туркестане местное население не имело никакого отношения к «октябрьскому перевороту» [13; 5], а собственно сам переворот «был осуществлён небольшой группой зараженных колонизаторской, шовинистической психологией рабочих». «Советская власть утвердилась там на трупах туркестанской бедноты, на трупах женщин и детей (см. выше свидетельство Рыскулова, Сорокина, Сафарова); ... что московские коммунисты, являющиеся настоящими господами положения в Туркестане, еще не изжили великодержавного шовинизма, ... что в отношении рабочих-туркестанцев продолжается политика недоверия, что, по выражению московской «Правды» (7.9.27), является выражением «утонченной формы современного колонизаторства»» [13; 70].

Таким образом, резюмируя изложенное выше, можно отметить, что в публикациях алашской интеллигенции октябрь 1917 г. не обозначается как «революция», употребляется термин «переворот», отрицаются наличие предпосылок «социалистической революции», ведущая роль пролетариата и большевиков. Их вывод таков: захват власти был осуществлен небольшой группой зараженных колонизаторством рабочих и солдат, не представлявших интересы местного населения.

Что же касается «широкого участия населения в октябрьском перевороте», то считаем, что это — советское мифотворчество. Достаточно вспомнить сюжет из воспоминаний С.С. Пестковского о встрече с В.И. Лениным, где вождь советует председателю Кирревкома в 1919 г. закупить граммофоны, записать на пластинки доклады о компартии, национальной политике, о советской конституции и «положить начало вашей агитации и пропаганде среди широких масс кочевников» [14]. О каком массовом участии казахов в «революции» 1917 г. можно вести речь, если лишь спустя 2 года поднимается вопрос о начале большевистской пропаганды и агитации!

С конца 1920-х гг., после выхода статьи И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», начинаются репрессии по отношению к алашской интеллигенции. Все реже и реже, но пока еще появляются в периодике Казахстана единичные работы, общий лейтмотив которых несколько расходится с большевистским видением событий Октября 1917. Однако после дискуссии об Алаш-Орде, организованной Казахским научно-исследовательским институтом марксизма-ленинизма, инакомыслие стало жестко подавляться. И больше публикаций радикального направления в Советском Казахстане не появлялось. А все названные выше труды, равно как и их авторы, оказались под пресом сталинской репрессивной машины.

Что же касается категориального аппарата о «революционных процессах», то необходимо отметить, что и сами большевики характер Октября определяли зачастую как переворот и вплоть до 1930-х гг. именовали эти события «октябрьским переворотом» (Черных В.Ю., Черных Л.Н. и другие российские исследователи отмечают, что указанный термин употреблялся как синоним «революции») [15; 85].

С 1930-х гг. теория и методология пробольшевистских исследований становятся не только классической жанра, они занимают монопольное положение. Мы это направление обозначаем как официальное, ортодоксально-большевистское. Доказательства о закономерности социалистической революции

выстроены на основе ленинского учения и в контексте теории «о триумфальном шествии советской власти в Казахстане». В этих работах безапелляционно заявляется тезис о наличии объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, о ведущей роли пролетариата и его авангарда — большевиков, о едином революционном потоке русских рабочих и местного угнетенного царизмом и байством казахского населения, о широком участии всех трудящихся масс в осуществлении революции.

В качестве классической советской парадигмы приведем фрагмент публикации У. Исаева: «Как часть огромной страны, наш край, несмотря на отсталость, располагал немногочисленным, но боевым отрядом пролетариата, в составе которого имелось немало выходцев из аульной бедноты. Переселенческое крестьянство также было заинтересовано в свержении самодержавия и ликвидации эксплуататорского общества. Враги советского строя не случайно пытаются отрицать закономерность социалистической революции. Их лейтмотив сводится к утверждению, что пролетарская революция вообще не имеет исторических предпосылок» [16; 24]. Статьи, доклады, выступления в подобном контенте звучат от многих представителей партийно-государственной элиты Туркестана и Казахстана (Т. Рыскулов, У. Исаев, У. Джандосов и др.).

Но в выступлениях, докладах, публикациях партийно-советских деятелей отслеживаются и несколько расходящиеся с официальной концепцией фрагменты. В частности, Т. Рыскулов в сентябре 1918 г. писал в Наркомнац Туркестана: «Многотысячное население до сего времени мало понимает, что такое советская власть». В 1922 г. Т. Рыскулов пишет: «Революция всколыхнула дотоле сонный Туркестан, затронув все стороны его жизни. Она застала наш край неподготовленным к коренным ломкам социального переустройства. Причина неподготовленности населения края всем ясна: отсутствие политических ячеек, косность мусульман [по отношению] ко всем нововведениям вследствие своих религиозных воззрений... революция застала, что называется, врасплох нашу страну... туркестанские народности с подозрением встретили возведенные революцией великие лозунги». «Октябрьский переворот вручил верховную власть в руки пролетариата: казалось бы, что места взаимному недоверию уже больше нет. Двухлетнее управление страной рабоче-крестьянским правительством, к сожалению, в туркестанских условиях показало противное, углубив это взаимное недоверие. Мусульманство на практике убедилось в несоответствии идеалов революции с их применением на практике» [17; 150]. Казахским населением советы часто воспринимались как чужеродное явление, ассоциировались с прежними органами царской администрации, к тому же большевистские Советы были явно отягощены явлением, получившим в партийной среде название «колонизаторство». И эти факты отмечаются в статьях и выступлениях Т. Рыскулова. Подобные заявления впоследствии обернутся против авторов, высказывавших такую точку зрения, и станут частью обвинений в «контрреволюционной деятельности» казахской партийной элиты, приведут к их репрессиям в 1937–1938 гг.

Третье направление в историографии 1926–1933 гг. связано с появлением статей первого секретаря Казкрайкома Ф.И. Голощекина. Суть его тезисов такова: «октябрьский ураган пронесся мимо аула, не задев его», «Октябрь миновал казахский аул» [18; 10]. Отрицая существование в казахском ауле советской власти до 1925 г., Ф.И. Голощекин поставил под сомнение масштабность охвата социалистической революцией всего Казахстана и установление советской власти в казахском ауле (напоминаем, что 76 % населения в Казахстане — казахи, абсолютное большинство из которых проживали в ауле): «Объективное положение в Казахстане после Октябрьской революции было таково, что нужно было начать строить сверху советскую власть и партийную организацию» [18; 55]. Как бы мы ни относились к деятельности Голощекина в Казахстане, необходимо отметить, что в своих выводах, по нашему мнению, Ф. Голощекин был прав. Не случайно 1 декабря 1924 г. ЦК РКП(б) обратился с письмом к партийной организации Казахстана, в котором отмечалось, что «Киргизская организация... находилась в особых условиях, затрудняющих работу... Обширная территория, слабая населенность, отсутствие удобных средств сообщения, отсталость крестьянских хозяйств и отсутствие промышленности, почти полная безграмотность населения — все это создавало большие трудности в деле социалистического строительства...». И далее: «ЦК, учитывая, что в Киргизской республике советы находятся в особо трудном положении и что фактически в аулах советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию советов в аулах...» [18; 23, 24]. Данное письмо, написанное за год до выводов Голощекина, предваряет его тезис о том, что «дыхание Октября миновало казахский аул». В советской историографии выводы Голощекина о развитии края до 1925 г. названы «ненаучными», «нигилистическими» и т.п. (Т. Елеуов, П. Пахмурный, В. Григорьев и др.) [19]. Академик

М.К. Козыбаев называет тезис об «отсутствии в ауле советов и партийного строительства» «глубоко ошибочным» и считает, что он перекликается с тезисом И. Сталина о том, что «коммунизм на Востоке нашей страны зародился недавно...» [20]. Мы же согласны с выводами Ф.И. Голощекина и думаем, что события Октября 1917 г. действительно миновали казахский аул, не затронув его ни модернизационными, ни трансформационными процессами.

Однако после ухода Голощекина из Казахстана, этот «зигзаг» в казахстанской историографии о месте и роли Октябрьской революции в ауле до конца 1980-х гг. исчез из историографических обзоров, так же как и упоминание о Голощекине в новейшей истории Казахстана.

События с конца 1920-х до середины 1930-х гг. в Казахстане (аресты представителей национальной интеллигенции, дискуссия об Алаш-Орде), положившие конец плюрализму мнений, инакомыслию и оппозиции, завершают первый этап и окончательно устанавливают монополию ортодоксально-большевистского, марксистско-ленинского подхода в отечественных исторических исследованиях. Этот поворот в исторической науке проявился в характере работы I Всесоюзной конференции историков-марксистов (кон. 1928 – нач. 1929 гг.). И с сер. 30-х годов XX в. начался процесс тотального партийно-государственного вмешательства в науку, проявившийся в использовании не только жестких вненаучных методов в дискуссии марксистских и немарксистских направлений исторической мысли, но и репрессивных, вплоть до физического уничтожения, методов по отношению к инакомыслящим. Таким образом, исследование процесса становления советской историографической традиции в 1920-е – 1930-е гг., его основных черт и особенностей позволяет указать на причины негативных явлений, характерных для последующего развития советской исторической науки, главной из которых является административно закреплённый монополизм одного из научных направлений [3; 22].

Второй этап казахстанской историографии — исследования советских историков, активизация которых отмечается с 1940-х гг. и продолжается до 1991 г. Как уже отмечалось выше, для историографии Октября 1917 г. были характерны коммеморативные (юбилейные) практики в исторической науке, задаваемые властью. И уже как знаковые события к каждому юбилею «Великого Октября» выходили документальные сборники [21], сборники статей [22], защищались докторские (С.Б. Бейсембаев, Т. Елеуов, С.Б. Жантуаров, М.П. Ким, С.Н. Покровский) и кандидатские (А.А. Джургенов, С.В. Жантуаров, С.М. Кенжебаев, С.Т. Кожабаев, Н.В. Копылов, Г.Ф. Литвинов и др.) диссертации [23]. В целом за период 1935–1991 гг. (исходя из данных библиографического указателя докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам) было защищено: 97 диссертаций по данной проблеме или тесно увязанным с ней проблемам; из них непосредственно по Октябрьской революции и установлению советской власти — 15 докторских и 21 кандидатская диссертации, по темам «Гражданская война», «Укрепление советской власти» — 3 докторские и 58 кандидатских диссертаций [24]. Каждые десять-двадцать лет этого этапа отличали особенности изучения этой темы. 1940-е – 1950-е гг. — выходили обзорные, как правило, небольшие статьи с ограниченной источниковой базой и отсутствием обобщений и теоретического анализа; доминировал в работах схематизм в изложении казахстанских событий. 1960–1970-е гг. — наиболее плодотворный период, когда появляются крупные фундаментальные монографические работы, расширяется документальная основа исследований. Именно в этот период расширяются источниковая база научных работ, проблематика исследований; их географический охват достаточно обширен — от общереспубликанских до региональных. Среди казахстанских авторов следует выделить монографии С.Н. Покровского, Т. Елеуова, П. Пахмурного, В. Григорьева, К. Нурпеисова и других [25]. В первой половине 1980-х гг. интерес к проблеме Октября 1917 г. стал постепенно гаснуть; обновление исторической проблематики в советской историографии стало особенно заметным в годы перестройки, но в казахстанской историографии эти процессы все же проявлялись достаточно вяло.

С 1985 г. Октябрьская революция оказалась одной из центральных тем в переосмыслении истории (влияние доклада М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции), но научная литература о революции, вышедшая в СССР в период 1985–1987 гг., в целом не отмечена какими-либо методологическими, концептуальными или фактологическими новшествами. В 1988 г. 92-летний академик И.И. Минц (многолетний официальный координатор исследований по истории 1917 г., автор трехтомной «Истории Великого Октября») ушел в отставку с поста председателя Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции», на смену пришел П.В. Волобуев. Активизация конференций, семинаров, круглых столов и выводы, которые делаются

на этих форумах, таковы: профессиональные историки существенно отстают от историографических реалий конца 1980-х гг. и не удовлетворяют общественный интерес к истории Октябрьской революции, образ которой формирует газетно-журнальная публицистическая историография. «Следствием такого положения стал крайний дилетантизм в описании революции, ее искажение и упрощение, сложилась ситуация, когда история Великого Октября нуждалась в защите уже от внутренних сил, а не от внешней, зарубежной историографии, и лучшей защитой, как отмечают авторы, могла быть только правда о ней» [26].

Третий этап — с 1991 г. и по настоящее время. В современной казахстанской исторической науке интерес к проблемам Октября 1917 г. возвращается и несколько модернизируется. Вновь доминирующим становится радикальное направление историографии, когда происходит смена полюсов в оценке революции 1917 г. и ее последствий, причем эта полярность носит абсолютную конъюнктурно-механическую смену знаков с «плюса» на «минус». Для казахстанской историографии последних двух десятилетий характерны ряд особенностей: 1) как уже отмечалось, происходит концептуально полярное изменение отношения к событиям Октября 1917 г.; 2) расширяется источниковая база благодаря рассекречиванию некоторых архивных фондов и документов; 3) расширяется и проблематика: исследуются темы, которые были табуированы в советское время (национальное движение, политические партии и общественно-политические движения в 1917 г., деятельность оппозиционной национальной интеллигенции, партия «Алаш» и ее участие в событиях 1917 г., персоналии, изучение которых было невозможно из-за их репрессий, и т.д.); 4) активное переиздание работ 1920–1930-х гг., оказавшихся под запретом советской цензурой; 5) обретение независимости повлияло на увеличение казахоязычных трудов, значительная часть публикаций выходит на казахском языке.

Но в то же время современная казахстанская историография содержит ряд проблемных моментов: 1) мифотворчество в исторических исследованиях не исчезает, на смену советским мифам приходят мифы «национал-радикалов»; 2) отсутствует обращение казахстанских историков к исследованию теоретико-методологических проблем, эта ниша оказывается незаполненной, что обуславливает слабость, неразработанность методологического инструментария, категориального аппарата и т.д.; 3) сохраняется и даже усиливается оторванность казахстанской исторической науки от зарубежной историографии, когда работы западных и даже российских исследователей оказываются вне исследовательского поля; эта тенденция продолжает угрожающе разрастаться, что чревато ограниченностью исторического знания.

Проблематика Октябрьских событий 1917 г. в новейшей истории казахстанского общества продолжает расширяться в казахстанской историографии: в диссертационных исследованиях и монографиях изучается деятельность национальной интеллигенции (М. Койгельдиев, К. Нурпеисов, О. Озганбай), общественно-политическая жизнь и политические процессы в период февраля-октября 1917 г. (Б.А. Кошанов, А.Е. Абылгазина, С.К. Рустемов, А.О. Раджапов, А.Ш. Махаева и др.), органы Временного правительства в Казахстане (Ж. Нурмагамбеткызы), проблемы национально-государственного строительства (Л.М. Хасанаева, К. Кулматов), октябрь 1917 г. и судьбы национальных автономий (Е.Е. Сайлаубай, Х.М. Турсын), персоналии (С. Аккулы) и др. [27].

В современном пространстве усиливается процесс замены советских мифосказаний о «триумфальном шествии советской власти» современными мифотворческими конструкциями «о заговорщической концепции Октября» и т.п. Тревога о расширении и упрочении мифотворчества звучит в некоторых публикациях последнего десятилетия.

Из казахстанских исследователей, обращающихся к теоретическим проблемам, считаем необходимым выделить Ж.Б. Абылхожина — одного из авторов книги «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» (2007 г.) [28]. Им на современном научно-теоретическом уровне рассматривается проблема влияния постсоветских мифологических реконструкций Октябрьских событий 1917 г. на историческое сознание современного казахстанского общества. Автор отмечает, что в современной историографии все больше доминирует трактовка Октябрьских событий как «переворота», причем с такой артикуляцией, которая подчеркивает примат неких субъективно-волевых факторов над объективно-предопределенными. Абылхожин считает, что зачастую это скорее «модные» тенденции, исключительно для демонстрации «новых» теоретических подходов, которых на самом деле нет. Ж. Абылхожин выносит вопрос о понятийном обозначении Октябрьских событий 1917 г. Он считает, что «вся история Октября 1917 г. и последовавших за ним событий говорит о том, что это была именно революция, но никак не переворот. Более того, учитывая, что революция эта своей данностью оказывала во многом определяющее влияние на динамику всемирно-исторической

эволюции на протяжении всего XX в., с полным основанием к ней можно отнести эпитет «великая» [28; 234]. Но назвать ее еще и возможно, считает автор, так же как и великую французскую революцию, «варварской», не только по методам и средствам осуществления, но и по своим трагическим последствиям. В условиях, когда национал-радикализм становится основной парадигмой в национальной историографии по советской истории, такую позицию автора можно считать достаточно смелой. Национал-радикализм по отношению к марксизму может быть оправданным в период преодоления его монополизма в науке, но в настоящее время становится препятствием для постижения истины, так как приводит к огульному отрицанию всех достижений советского периода.

Соглашаясь с советской историографией в вопросе о предпосылках революции (общероссийский кризис, нерешаемые назревшие конфликты в обществе и т.д.), отмечается нейтральность крестьян к событиям 1917 г. даже в условиях общенационального кризиса. Он подчеркивает, что социальная структура дореволюционного общества развивалась преимущественно по пути маргинализации, пауперизации и люмпенизации. Идеология большевизма оказалась наиболее созвучной, по его мнению, этой структуре и массовому сознанию. «Паупер-люмпенская стихия, помноженная на массовые явления маргинализации (маргиналом в данном случае выступал «переходный человек» — крестьянин, ставший рабочим, солдатом или матросом, бывший горожанин, оказавшийся беженцем, мелкий буржуа, облачившийся в тогу профессионального революционера, и т.д.), и послужила социальной базой революции» [29; 437]. Абылхожин придерживается версии о городском характере революции в Казахстане, считает, что деятельность советов распространялась главным образом на города, уездные и отчасти волостные центры; деревня в гораздо меньшей степени была охвачена их влиянием. Там, где были советы, они повторяли всю прежнюю структуру самоуправления. Общинно-корпоративное сознание, патриархальная замкнутость, привычная модель самоуправления в сельской местности продолжали сохраняться, несмотря на «ветры перемен» [29; 449].

Итак, мы можем констатировать, что современная казахстанская историография в целом продолжает развивать историографические традиции различных направлений, заложенных еще в XX в.

Отдельный пласт в историографии по изучаемой проблеме представляют зарубежные исследования. В силу ограниченности объема статьи, изначально обозначим достаточно краткий, обзорный экскурс этого исследовательского комплекса (считаем, что он требует отдельного, подробного обсуждения). В современной российской историографии имеется значительный объем публикаций по рассматриваемой нами проблеме, но из российских авторов мы хотели бы остановиться на исследованиях д.и.н., профессора Д.А. Аманжоловой [30]. Собственно, Октябрь 1917 г. не является отдельным объектом ее научного интереса, но в контексте своего исследовательского проекта эта тема ею изучается достаточно подробно. Автор отмечает, что «в советской историографии господствовал тезис о неразрывной преемственности и прямолинейности исторического развития. При этом из рассмотрения, как правило, исключались реальные политические и социокультурные рычаги — взаимодействие государственных, исторических, социальных, культурных и экономических факторов, традиции и альтернативы, многочисленные случайности. Многогранность и противоречивость истории национальных движений заведомо отвергались в угоду политической конъюнктуре, социальная практика в исторических работах «выпрямлялась, пригладивалась и причесывалась» в соответствии с удобной схемой, как будто логично объяснявшей прошлое. Повсеместное распространение получил не подтверждающийся фактами тезис о подавляющем влиянии Советов, большевистских лозунгов и идей в казахских массах уже в 1917 г.» [31; 14]. Выявляя отношение интеллигенции к Октябрю 1917 г., исследователь отмечает, что в этот период в партийной среде существовало мнение, что «в отличие от низовой интеллигенции, повернувшейся в сторону советской власти и партии, в ее верхах чувствуется отчужденность... интеллигенция отвернулась от революции, так как не могла мириться с ее абсурдом» [31; 380]. А власть, в свою очередь, не простила интеллигенции нежелание «мириться с абсурдом революции» и претензии на создание самостоятельной единицы в Казахстане. Ценность исследований московского автора заключена еще и в том, что они построены на огромном количестве российских архивных материалов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Нами будет осуществлена попытка фрагментарного экскурса в западную историографию, но мы отдаем себе отчет, насколько в усеченном виде она представлена, поэтому эту часть нашей статьи назовем обзорной. В XX в. Октябрь 1917 г. становится одной из устойчивых разработок западной историографии — основные объекты исследований: национальные периферии и центр в революционных событиях, их взаимоотношения, мусульманские общества и их рецепции на 1917 г., «интеллектуальные брожения» в среде казахской интеллигенции и лидеров в первые годы советской власти и т.п.

Ряд зарубежных авторов обосновывают тезис об антидемократическом характере мероприятий, осуществляемых советской властью в национальных окраинах (Ж. Кастанье, У Чемберлин и др.) [32]. В западной историографии XX в. по проблеме Октябрьской революции 1917 г. более активное изучение связано с 1950–1960-ми гг.: работы О. Кэроу «Советская империя: тюрки Средней Азии и сталинизм», А. Парка «Большевизм в Туркестане. 1917–1927», Р. Пайпса «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм», С. Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» и др. В данных публикациях разрабатывается концепция «пролетарского колониализма», рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории, подчеркивается отсталость края, политическая индифферентность масс к пролетарской революции и ее идеям. Суть концепции «пролетарского колониализма» сводится к нескольким тезисам: революция совершена партией русских большевиков, которые не считались с целями местного населения, навязывая собственную политику; отсутствие широкой базы для революции не помешало захвату власти большевиками, так как они уничтожили оппозицию в лице оппозиционных национальных сил; в период пролетарской революции для местного казахского населения, не понимавшего целей и задач революции, характерна роль пассивного наблюдателя; социальную базу революции создали внутренние колонизаторские элементы [33; 42]. «Накануне 1917 г., — пишет американский автор А. Парк в своей книге — марксисты считали Туркестан самым неприемлемым регионом для проведения социальной революции». Колониальный характер диктатуры пролетариата, установившейся в Казахстане, убедительно освещен в трудах Р. Пирса, А. Беннигсена, Д. Гейера, М. Ферро, Р. Сунн и других.

Исследования последних десятилетий французских авторов А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже сосредоточились вокруг проблемы ислама в Центральной Азии. Анализируя события 1917 г., авторы говорят о влиянии «мусульманского национального коммунизма» на местное исламское население в этом регионе, объясняя причины, приведшие мусульман к большевикам: политическая некомпетентность руководителей белой армии и полное непонимание ими проблем мусульманских национальных меньшинств; личное влияние Сталина на посту Наркомнаца, привлечение им на свою сторону лидеров левого крыла мусульманских движений и т.п. Но один из важнейших факторов — надежда на то, что Октябрьская революция — первый шаг к освобождению всего мусульманского мира, угнетенного европейцами, и что коммунизм по сравнению с другими политическими системами создаст лучшие условия мусульманам для взятия реванша у всех колонизаторов, в том числе русских. И наконец, наивная вера в то, что Октябрьская революция станет в мусульманских странах продолжением реформистского джадидистского движения [34].

Проблемы Октября и отношения к нему казахского населения рассматривает М.Б. Олкотт в работе «Казахи» [35], где в целом советская история казахов стала объектом изучения американской исследовательницы.

Проблемам революции в Средней Азии посвящен фундаментальный труд Марко Буттино М. «Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР». Характеризуя советские органы, он пишет: «Новая власть стремится везде к легитимации, используя риторику, отсылающую к верхним этажам власти. Местные диктатуры вооруженных людей, которые ищут защиты и утверждают собственное право на ресурсы, могут быть представлены как форма советской власти — выражение начальной демократии и рабочего контроля: весь этот контекст придает смысл словам. Возможно, Туркестан ничем не отличается от других мест, но там действующие лица имеют особенно маркированные отличительные черты, потому что говорят на разных языках и относятся к разным культурам. Хотя даже и эта характеристика встречается во многих других местах и, возможно, в не столь выраженной форме, была присуща всей территории зарождающегося Советского Союза...

Революция не распространяется из Петрограда подобно масляному пятну, революционные идеи не витают в эфире, оставаясь чистыми идеями. Процесс от завоевания страны до революции проходит через фазы хаоса и силовых решений, он распространяется от центра к местным средоточиям власти, которые были образованы согласно собственной логике, и снабжает их легитимизирующим революционным дискурсом... Это не ленинская революция и не «революция плебса». Насилие, распространяющееся по стране, не имеет в действительности единого руководства и четких целей, но также и не является плодом слепых инстинктов низших слоев общества, разбушевавшихся в отсутствие контроля со стороны государства. В насилии нет ничего стихийного или «первобытного», там есть только бесконечные частные логики в контексте общего страха» [36; 205].

«Революционеры не сочли нужным вынести на обсуждение свою программу, не предложили способов выхода из экономического кризиса. Они просто совершили революцию и, вероятно, надеялись, что советское правительство в Петрограде сможет само справиться с кризисом. Туркестанские революционеры следовали примеру Петрограда и обращались к населению с теми же лозунгами, что звучали в столице. В контексте Туркестана эти лозунги, однако, принимали особое значение. Революция была большевистской, но в Туркестане не было партии большевиков — ее создадут позже, чтобы легитимировать революционную власть. Диктатура пролетариата немедленно обернулась диктатурой политических организаций, опиравшихся в основном на солдат и действующих от имени российского пролетариата. Ее врагами были, естественно, представители буржуазии и буржуазных политических организаций, а таковыми признали всех мусульман, поскольку «социальная революция» не привела к появлению в их среде «пролетарских» организаций. Таким образом, диктатура могла быть только диктатурой русских» [36; 209].

Характеризуя отношение казахов к революции, Буттино пишет: «Октябрьские события положили начало хаосу. Ахмед Байтурсун (Байтурсунов), руководитель Алаш Орды, писал о Степном крае: «Наводила же на киргизов ужас Октябрьская революция своими внешними проявлениями. Как происходило большевистское движение в центральных частях России, киргизам было неизвестно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собою не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию. Можно распространить оценку Байтурсунова и на Туркестан» [36; 210].

Альберто Мазоэро, профессор Венецианского университета, в рецензии на книгу «Революция наоборот» отмечает, что «Марко Буттино как бы с увеличительным стеклом исследует общероссийский революционный кризис на примере отдельного края, выявляя все его анатомические особенности. В этой оптике многие аспекты эпохального превращения царской Империи в Советский Союз предстают в специфической форме, обнаруживают крайности, обусловленные периферийным положением изучаемого региона, но это не лишает автора возможности интерпретировать общую динамику русской революции. Напротив, и это первое и самое общее наблюдение, «странная» революция в Средней Азии предстает менее странной и атипичной, нерелевантной для общей картины, как это можно было бы предположить из заглавия («Революция наоборот»)» [36; 434].

Итак, мы рассмотрели три среза историографии (советская, современная казахстанская и зарубежная). Историографический дискурс, проведенный в данной статье, позволяет сделать вывод о достаточно развитой, устойчивой и разнообразной традиции в исследовании Октября 1917 г. Концептуальную основу различных исторических школ составили различные парадигмы исторического знания. Однако возможно заключить, что, несмотря на высокие количественные характеристики (например, в советской историографической практике), в этом проблемном поле еще достаточно лакун, требующих продолжения исследований, в частности, в направлении разработок новых теоретико-методологических конструкций, уточнения понятийно-категориального аппарата, привлечения новых источников комплексов и т.п. Думаем, что эта работа ждет своих исследователей.

Список литературы

- 1 Булдаков В.П. Октябрьская революция: современная судьба старых мифов [Электронный ресурс] / В.П. Булдаков // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. — М., 2008. — Режим доступа: <http://aleksandr-kommari.narod.ru/buldakov.htm>.
- 2 Покровский С.Н. О некоторых основных вопросах истории гражданской войны в Казахстане / С.Н.Покровский // Большевик Казахстана. — 1947. — № 6. — С. 6–20; Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана / Г.Ф. Дахшлейгер. — Алма-Ата, 1969; Он же. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии / Г.Ф. Дахшлейгер. — Алма-Ата: Наука, 1973; Он же. Из истории борьбы за марксистско-ленинское освещение Октября (по материалам казахстанской историографии) / Г.Ф.Дахшлейгер // Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М., 1976. — С. 305–316; Алдамжаров З.А. Вопросы историографии Октября в Казахстане / З.А. Алдамжаров // Великий Октябрь в Казахстане. — Алма-Ата, 1977; Он же. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: историография проблемы / З.А. Алдамжаров. — Алма-Ата, 1983; Козыбаев М.К. Из историографии Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане / М.К.Козыбаев // История и современность. — Алма-Ата, 1991. — С. 161–187.
- 3 Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е годы [Электронный ресурс] / А.В. Сидоров // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. — М., 1998. — 464 с. — Режим доступа: <http://ww.dissercat.com>.
- 4 Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана / Г.Сафаров. — Алма-Ата: Жалын, 1996. — 272 с.
- 5 Сафаров Г. Проблемы Востока / Г.Сафаров. — Петроград, 1922. — 161 с.

- 6 Борисов Н. Октябрь в Туркестане / Н.Борисов. Завоевания Октябрьской революции. — Ташкент, 1922. — С. 22–23.
- 7 Брайнин С. Первые шаги советов в Семиречье / С.Брайнин, Ш.Шафиро. — Алма-Ата, 1934.
- 8 Тогжанов Г. Наше прошлое и настоящее / Г.Тогжанов // Кзыл-Казахстан; Он же. О казахском ауле / Г.Тогжанов. — Кзыл-Орда. — 1927, 15 сент. — № 5-7.
- 9 Байтурсынов А. Революция и киргизы / А. Байтурсынов // Жизнь национальностей. — 1919. — № 29(37). — 3 авг.
- 10 Сактаганова З.Г. Советская власть и А. Букейханов: история взаимоотношений / З.Г. Сактаганова // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. История. Философия. Право. — 2007. — № 3(47). — С. 5–8; ГАРФ. Ф.144. Оп.1. Д.1а. Л.66.
- 11 Букейхан А. Памятка крестьянам, рабочим и солдатам / А.Букейхан. Избранное. — Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1995. — 478 с.
- 12 Мартыненко Н. Алаш-Орда: сб. документов / Сост. Н Мартыненко. — Алма-ата: Айкап, 1992. — 192 с.; ЦГА РК. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.1-2.
- 13 Чокаев М. Туркестан под властью советов / М.Чокаев. — Алма-Ата: Айкап, 1993. — 160 с.
- 14 Казахстанская правда. — 1935. — 23 апр.
- 15 Черных В.Ю. От Октябрьской революции к «февральскому перевороту», или что такое революция? / [Электронный ресурс] / В.Ю. Черных, Л.Н. Черных // Философия и общество. — 2012. — № 3. — С. 85–9. — Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles>.
- 16 Исаев У. Октябрьская революция и строительство социализма / У.Исаев. — Алма-Ата, 1932.
- 17 Рыскулов Т. Речь на I конференции мусульманских организаций РКП Туркестана: собр. соч. в 3-х т. — Т. 3. / Т.Рыскулов. — Алма-Аты, 1998. — 444 с.
- 18 Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане: сб. речей и статей (1925-1930 гг.) / Ф.И. Голощекин. — М., Алма-Ата, 1930. — 344 с.; См. также: Голощекин Ф.И. 10 лет Советской власти / Ф.И. Голощекин. — Кзыл-Орда, 1927; Он же. Казахстан на путях социалистического переустройства / Ф.И. Голощекин. — М., 1931).
- 19 Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917 – июнь 1918 гг.) / Т.У. Елеуов. — Алма-Ата, 1961. — С. 19–23; Пахмурный П., Григорьев В. Октябрь в Казахстане / П. Пахмурный, В. Григорьев. — Алма-Ата, 1978. — С. 13.
- 20 Козыбаев М.К. Из историографии Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане ... / М.К Козыбаев // История и современность. — Алма-Ата, 1991. — С. 165–166.
- 21 Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахской АССР: сб. документов. — Алма-Ата, 1947; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: сб. документов. — Алма-Ата, 1957; Рабочее и аграрное движение в Казахстане (1907-1917 гг.): сб. документов и материалов. — Алма-Ата, 1957; Советское строительство в селах и аулах Семиречья: сб. документов. — Ч. 1. — Алма-Ата, 1957; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. — Алма-Ата, 1967; 1917 г. в Казахстане: Документы и материалы. — Алма-Ата, 1977 и др.
- 22 Великий Октябрь в Казахстане: сб., посвящ. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Алма-Ата, 1977; Борцы за Советскую власть в Казахстане. — Алма-Ата, 1982; Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана. — Алма-Ата, 1987 и др.
- 23 Бейсембаев С.Б. Ленин и Казахстан (1897-1994 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 – «Отечественная история» / С.Б. Бейсембаев. — Алма-Ата, 1968; Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917-июнь 1918 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / Т.У. Елеуов. — Алма-Ата, 1961; Ким М.П. Аграрный вопрос и классовая борьба в Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции: дис. ... д-ра ист. наук / М.П. Ким. — М., 1945; Джургенов А.А. Установление и упрочение Советской власти в Аулие-Атинской уезде (1917-1920 гг.): дис. ... канд.ист. наук / А.А. Джургенов. — Алма-Ата, 1969; Жантваров С.В. Борьба за Советскую власть в Оренбургском крае (1917-1919 гг.): дис. ... кан. ист. наук / С.В. Жантваров. — М., 1954; Оспанов А. Участие солдатских масс в установлении Советской власти в Казахстане (февраль 1917 – март 1918 г.): дис. ... кан. ист. наук / А.Оспанов. — Алма-Ата, 1963 и др.
- 24 Подсчитано автором по: Библиографический указатель докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам (1935-2002). — Алма-Ата, 2003. — 168 с.
- 25 Покровский С.Н. Победа Советской власти в Семиречье / С.Н. Покровский. — Алма-Ата, 1961; Он же. Ленин и победа Советской власти в Казахстане / С.Н. Покровский. — Алма-Ата, 1970; Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917 – июнь 1918 гг.) / Т. Елеуов. — Алма-Ата, 1961; Пахмурный П. Октябрь в Казахстане / П.Пахмурный, В.Григорьев. — Алма-Ата, 1978; Нурпеисов К. Улы Октябрь Казахстана / К. Нурпеисов. — Алматы, 1987; Сулейменов Р. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане / Р. Сулейменов. — Алма-Ата, 1987; Бейсембаев С. В.И. Ленин и Казахстан: 2-е изд., доп. и перераб. / С. Бейсембаев. — Алма-Ата, 1987; Григорьев В.К. Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917 - 1920 гг.) / В.К. Григорьев. — Алма-Ата, 1989.
- 26 Меньковский В.И. Основные этапы истории Украины и России [Электронный ресурс] / В.И. Меньковский, Г.А. Петаченко. — Минск, 2013. — Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle>.
- 27 Койгельдиев М.К. Алашкозгалысы / М.К. Койгельдиев. — Алматы: Санат, 1995. — 366 с.; Койгельдиев М.К. Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы / М.К. Койгельдиев. — Алматы, 1997. — 62 с.; Нурпесов К.Н. Алашхэм Алашорда / К.Н. Нурпесов. — Алма Ата, 1995. — 255 с.; Кошанов Б.А. Большевики в Туркестане, 1917-1922 гг. (Доктрина и реальность): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 – «Отечественная история» / Б.А. Кошанов. — М, 1994; Абылгазина А.Е. Демократизация государственной и общественно-политической жизни в Казахстане (февраль-октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук: А.Е. Абылгазина. — Алматы, 1997; Рустемов С.К. XX ғ. басындағы қоғамдық-саяси өміріндегі мұсылмандық қозғалыс: дис. ... канд. ист. наук: / С.К. Рустемов. — Алматы, 1997; Раджапов А.О. Оңтүстік Қазақстан 1917 ж. қос революция тусында: дис. ... канд. ист. наук: / А.О. Раджапов. — Алматы, 1998; Махаева А.Ш. Казаккомитеттері: қурылуы мен қызметінің тарихы (наурыз 1917 - маусым 1918 жж.): дис. ... канд. ист. наук: / А.Ш. Махаева. — Алматы, 1995; Аккулы С.Х. Алихан Букейханов / С.Х. Аккулы. — Алматы, 2016. — 528 с. и др.
- 28 Масанов Н.Э. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. — Алматы, 2007. — 296 с.

- 29 Абусейтова М.Х. История Казахстана и Центральной Азии: учеб. пособие / М.Х. Абусейтова, Ж.Б. Абылхожин и др. — Алматы, 2001. — 616 с.
- 30 Аманжолова Д.А. Движение Алаш в 1917 году / Д.А. Аманжолова. — М., 1992; Она же. Партия Алаш: история и историография / Д.А. Аманжолова. — Семипалатинск, 1993; Она же. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш / Д.А. Аманжолова. — М.: Россия молодая, 1994. — 213 с.; Она же. Казахская автономия: от замысла националов к самоопределению по-советски / Д.А. Аманжолова // Acta slavica Iaponcu Tomus, XXI. — Sarago. Japon, 2004; Она же. Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг.: сб. документов / Д.А. Аманжолова. — Караганда, 2005; Она же. Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации / Д.А. Аманжолова // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX-начало XXI века). — М., 2006. — С. 14-82 и др.
- 31 Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана / Д.А. Аманжолова. — Алматы: Издат. дом «Таймас», 2009. — 410 с.
- 32 Chamberlin W. The Russian Revolution. 1917-1921. — In 2 vols. — New York, 1935; Castagne J. Les musulmans et la politique des Soviets enAsie Centrale. P., 1925
- 33 Проблемы истории Казахстана советского периода в западной историографии // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5-ти т. Т. 4. — Алматы: Атамұра, 2009. — 768 с.
- 34 Беннигсен А. Забытые мусульмане. Ислам в Советском Союзе / А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Кельеже. — Париж, Масpero, 1981 / Деловая Неделя. — 2005. — № 33 (661). — 2 сент.
- 35 Олкотт М.Б. Казахи / М.Б. Олкотт. — Стенфорд, 1987.
- 36 Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / М. Буттино. — М., 2007. — 447 с.

З.Г.Сактаганова

«1917 ж. Ресей революциясы және Қазақстан» мәселесінің тарихнамалық дискурсы

Мақалада Қазақстандағы Қазан революциясы жөніндегі зерттеу әдебиеттерінің барлық кешенінің тарихнамалық кесіндісі қарастырылған. Автор ғылыми басылымдардың 3 ірі бөлігін ажыратып көрсетеді: біріншісі – мақалада қарастырылған оқиғаларды белгілі бір схемамен байланыстырмаған және 1917 ж. оқиғаларды өздерінің бақылауы, автордың ойы бойынша, түсіндірген шартты түрде белгіленген радикалды (марксистік емес) бағыт; екіншісі – ресми, ортодоксалды-большевиктік бағыт, бұл топтағы зерттеу жұмыстары марксистік-лениндік әдіснамаға сүйенген; үшіншісі – 1917 ж. Қазан революциясына қатысты қалыптасқан тарихи тұжырымдамаларды тексеруді ұсынған, бірақ олар кеңестік тарихнаманың ерекшеліктерін сақтап қалған, тарихи ревизионизм шеңберіндегі еңбектер. Қазақстандық тарихнамаға барлық аталған үш бағыт шеңберіндегі ғылыми басылымдар тән. Әрбір көрсетілген бағыт әртүрлі хронологиялық уақыт аралығында көрініс табады. Сонымен қатар автор мақала тақырыбы бойынша қазіргі заманғы шетелдік тарихнаманың үзіндісін ұсынды.

Кілт сөздер: 1917 жылғы Ресей революциясы, 1917 жылғы Қазан және Қазақстан, Қазақстан тарихы, Қазақстан тарихының тарихнамасы, 1917 жылғы Қазақстандағы Қазан төңкерісінің тарихнамасы.

Z.G.Saktaganova

The historiographic discourse of the problem «The Russian Revolution of 1917 and Kazakhstan»

The article considers historiographic sections of the whole complex of research literature about the October Revolution in Kazakhstan. The author highlights the three largest layers of scientific publications: the first is a conventionally designated radical (non-Marxist) direction, which includes publications of authors who were relatively free from the need to adapt these events to certain schemes and interpreted them depending on their observation, vision and assessment of the events of 1917, the second - the official - orthodox-bolshevik direction, in this group of studies, built on the Marxist-Leninist methodology; and the third - works within the framework of historical revisionism, which offered an audit of the existing historical concepts with respect to October 1917, but retained the features of Soviet historiography. And each of these layers in one way or another manifested itself in different chronological periods of time. Also, the author the author proposed a fragment of contemporary foreign historiography on the on the topic.

Keywords: Russian Revolution of the 1917, October 1917 and Kazakhstan, the history of Kazakhstan, the historiography of Kazakhstan's history, the historiography of the October Revolution of 1917 in Kazakhstan.

References

- 1 Buldakov, V.P. (2008). Oktiabrskaya revoliutsiya: sovremennaya sudba starykh mifov [October Revolution: the modern fate of old myths]. Oktiabr 1917: vyzovy dlia XXI veka – October 1917: Challenges for the XXI century. Moscow. Retrieved from <http://aleksandr-kommari.narod.ru/buldakov.htm> [in Russian].
- 2 Pokrovskii, S.N. (1947). O nekotorykh osnovnykh voprosakh istorii grazhdanskoi voyny v Kazakhstane [About some basic questions of the history of civil war in Kazakhstan]. *Bolshevik Kazakhstana – The Bolshevik of Kazakhstan*, 6, 6–20 [in Russian]; Dahshleiger, G.F. (1969). *Istoriografiia Sovetskogo Kazakhstana [Historiography of Soviet Kazakhstan]*. Almaty [in Russian]; The same author. (1973). *V.I. Lenin i problemy kazakhstanskoi istoriografii [V.I. Lenin and the problems of Kazakhstan's historiography]*. Almaty: Nauka [in Russian]; The same author. (1976). Iz istorii borby za marksistsko-leninskoe osveshchenie Oktiabria (po materialam kazakhstanskoi istoriografii) [From the history of the struggle for the Marxist-Leninist coverage of October (based on the materials of Kazakhstan's historiography)]. *Problemy istorii obshchestvennoi myslii istoriografii – Problems of the history of social thought and historiography*, 305–316. Moscow [in Russian]; Aldamzharov, Z.A. (1977). *Voprosy istoriografii Oktiabria v Kazakhstane. Velikii Oktiabr v Kazakhstane [Questions of the historiography of October in Kazakhstan. Great October in Kazakhstan]*. Almaty [in Russian]; The same author. (1983). *Pobeda Velikoi Oktiabrskoi sotsialisticheskoi revoliutsii v Kazakhstane [The victory of the Great October Socialist Revolution in Kazakhstan]*. Almaty [in Russian]; Kozybaev, M.K. (1991). Iz istoriografii Oktiabrskoi revoliutsii i grazhdanskoi voyny v Kazakhstane i druhie [From the historiography of the October Revolution and the Civil War in Kazakhstan, etc.]. *Istoriia i sovremennost – History and modernity*, 161–187. Almaty [in Russian].
- 3 Sidorov, A.V. (1998). Teoretiko-kontseptualnye osnovy otechestvennoi istoriografii v 1920-e hody [Theoretical and conceptual foundations of Russian historiography in the 1920s.]. Moscow. *dissercat.com*. Retrieved from: <http://www.dissercat.com> [in Russian].
- 4 Safarov, G. (1996). *Kolonialnaya revoliutsiya: Opyt Turkestana [The Colonial Revolution: Experience of Turkestan]*. Almaty: Zhalyn [in Russian].
- 5 Safarov, G. (1922). *Problemy Vostoka [Problems of the East]*. Petrograd [in Russian].
- 6 Borisov, N. (1922). Oktiabr v Turkestane [October in Turkestan]. *Zavoevaniia Oktiabrskoi revoliutsii – Conquest of the October Revolution*. Tashkent [in Russian].
- 7 Brainin, S., & Shafiro, Sh. (1934). *Pervye shahi sovetov v Semireche [The first steps of the Soviets in the Semirechye]*. Almaty [in Russian].
- 8 Togzhanov, G. (1927). Nashe proshloe i nastoiashchee [Our past and present]. *Kzyl-Kazakhstan – Kzyl-Kazakhstan*; The same author. *O kazahskom aule [About kazakh village]*. Kzyl-Orda (15 sentiabria, 1927, No. 5-7) [in Russian].
- 9 Baitursynov, A. (1919). Revoliutsiya i kirhizy [Revolution and kyrgyz]. *Zhizn natsionalnostei – Life of nationalities*, 29(37), 3 avhusta [in Russian].
- 10 Saktaganova, Z.G. (2007). Sovetskaia vlast i A. Bukeihanov [Soviet power and A. Bukeikhanov]. *Vestnik Karahandinskogo universiteta. Seriya Istoriia. Filosofii. Pravo – Bulletin of Karaganda University. Series History. Philosophy. Right*, 3(47), 5–8; GARF. F.144. Op.1. D.1a. L.66 [in Russian].
- 11 Bukeihan, A. (1995). *Pamiatka krestianam, rabochim i soldatam [Instructions to the peasants, workers and soldiers]*. Almaty: Kazak ehntsiklopediiasy [in Russian].
- 12 Martynenko, N. (1992). Alash-Orda [Alash-Orda]. Almaty: Aikap; CGA RK. F.17, Op.1. D.21. L.1-2 [in Russian].
- 13 Chokaev, M. (1993). *Turkestan pod vlastiu sovetov [Turkestan under the rule of Soviets]*. Almaty: Aikap [in Russian].
- 14 Kazakhstanskaia pravda [The Kazakh truth]. (1935, 23 apreliia). [in Russian].
- 15 Chernyh, V.Yu., & Chernyh, L.N. (2012). Ot Oktiabrskoi revoliutsii k «fevral'skomu perevorotu», ili chto takoe revoliutsiya? [From the October Revolution to the «February coup», or what is a revolution?]. *Filosofii i obshchestvo – Philosophy and society*, No. 3, 85–9. Retrieved from: <http://www.socionauki.ru/journal/articles> [in Russian].
- 16 Isaev, U. (1932). *Oktiabrskaya revoliutsiya i stroitelstvo sotsializma [The October Revolution and the Building of Socialism]*. Almaty [in Russian].
- 17 Ryskulov, T. (1998). Rech na I konferentsii musulmanskikh orhanizatsii RKP Turkestana [Speech at the First Conference of Muslim Organizations of the RCP of Turkestan]. (Vol. 1-3, Vol. 3). Almaty [in Russian].
- 18 Goloshchekin, F.I. (1930). *Partiinoe stroitelstvo v Kazakhstane [Party building in Kazakhstan]*. Moscow, Almaty (Goloshchekin, F.I. (1927). *10 let Sovetskoi vlasti [10 years of Soviet power]*. Kzyl-Orda; The same author. (1931). *Kazakhstan na putiakh sotsialisticheskogo pereustroistva [Kazakhstan on the paths of socialist reorganization]*. [in Russian].
- 19 Eleuov, T. (1961). Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoi vlasti v Kazakhstane (mart 1917-iun 1918 hh.) [Establishment and consolidation of Soviet power in Kazakhstan (March 1917-June 1918)]. Almaty; Pahmurnyi, P., & Grigor'ev, V. (1978). *Oktiabr v Kazakhstane [October in Kazakhstan]*. Almaty [in Russian].
- 20 Kozybaev, M.K. (1991). Iz istoriografii Oktiabrskoi revoliutsii i grazhdanskoi voyny v Kazakhstane... [From the historiography of the October Revolution and the Civil War in Kazakhstan...]. *Istoriia i sovremennost – History and modernity*. Almaty [in Russian].
- 21 Pobeda Velikoi Oktiabrskoi sotsialisticheskoi revoliutsii v Kazakhskoi ASSR (1947) [Victory of the Great October Socialist Revolution in the Kazakh ASSR]. Almaty; Pobeda Velikoi Oktiabrskoi sotsialisticheskoi revoliutsii v Kazakhstane (1957) [Victory of the Great October Socialist Revolution in Kazakhstan]. Almaty; Rabochee i aharnoe dvizhenie v Kazakhstane (1907-1917 hh.) (1957) [Working and agrarian movement in Kazakhstan (1907-1917)]. Almaty; Sovetskoe stroitelstvo v selakh i aulakh Semirechia [Soviet construction in the villages and villages of the Semirechie]. (1957, Part 1). Almaty; Velikaia Oktiabrskaya sotsialisticheskaya revoliutsiya v Kazakhstane. Letopis sobytii (1967) [The Great October Socialist Revolution in Kazakhstan. Chronicle of events]. Almaty; 1917 h. v Kazakhstane: Dokumenty i materialy (1977) [1917 in Kazakhstan: Documents and materials]. Almaty [in Russian].
- 22 Velikii Oktiabr v Kazakhstane (1977) [Great October in Kazakhstan]. Almaty; Bortsy za Sovetskuiu vlast v Kazakhstane (1982) [The fighters for Soviet power in Kazakhstan]. Almaty; Velikii Oktiabr i sotsialno-ekonomicheskii progress Kazakhstana [Great October and socio-economic progress of Kazakhstan]. Almaty [in Russian].

- 23 Beisembaev, S.B. (1968). *Lenin i Kazakhstan (1897–1994 hh.)* [Lenin and Kazakhstan]. *Doctor's thesis*. Almaty [in Russian]; Eleuov, T. (1961). *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Kazakhstane (mart 1917 — iyun 1918 hh.)* [Establishment and consolidation of Soviet power in Kazakhstan (March 1917 — June 1918)]. *Doctor's thesis*. Almaty [in Russian]; Kim, M.P. (1941). *Ahrarnyi vopros i klassovaya borba v Kazakhstane v period Velikoi Oktiabrskoi sotsialisticheskoi revoliutsii* [The agrarian question and the class struggle in Kazakhstan during the Great October Socialist Revolution]. *Doctor's thesis*. Moscow [in Russian]; Dzhurgenov, A.A. (1969). *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Aulie-Atinskome uezde (1917–1920 hh.)* [Establishment and consolidation of Soviet power in Aulie-Ata Uyezd (1917–1920)]. *Doctor's thesis*. Almaty [in Russian]; Zhantuarov, S.V. (1954). *Borba za Sovetskuiu vlast v Orenburskom krae (1917–1919 hh.)* [The struggle for Soviet power in the Orenburg region (1917–1919 gg.)]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian]; Ospanov, A. (1963). *Uchastie soldatskikh mass v ustanovlenii Sovetskoj vlasti v Kazakhstane (fevral 1917 – mart 1918 h.)* [Participation of the soldiers in the establishment of Soviet power in Kazakhstan (February 1917 - March 1918)]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian].
- 24 Podschitano avtorom po: Bibliograficheskii ukazatel doktorskikh i kandidatskikh dissertatsii po istoricheskim naukam (1935–2002) (2003) [Estimated by the author on: Bibliographic index of doctoral and candidate dissertations on historical sciences (1935–2002)]. Almaty [in Russian].
- 25 Pokrovskii, S.N. (1961). *Pobeda Sovetskoj vlasti v Semireche* [The victory of Soviet power in the Semirechye]. Almaty [in Russian]; The same author. (1970). *Lenin i pobeda Sovetskoj vlasti v Kazakhstane* [Lenin and the victory of Soviet power in Kazakhstan]. Almaty [in Russian]; Eleuov, T. (1961). *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Kazakhstane (mart 1917 — iyun 1918 hh.)* [Establishment and consolidation of Soviet power in Kazakhstan (March 1917 — June 1918)]. Almaty [in Russian]; Pahmurnyi, P., & Grigor'ev, V. (1978). *Oktiabr v Kazakhstane* [October in Kazakhstan]. Almaty [in Russian]; Nurpeisov, K. (1987). *Uly Oktiabr Kazakhstanda* [Great October in Kazakhstan]. Almaty [in Russian]; Suleimenov, R. (1987). *Velikii Oktiabr i kulturnye preobrazovaniia v Kazakhstane* [The Great October and cultural transformations in Kazakhstan]. Almaty [in Russian]; Beisembaev, S. (1987). *V.I. Lenin i Kazakhstan* [Lenin and Kazakhstan]. (2d ed.). Almaty [in Russian]; Grigor'v, V.K. (1989). *Protivostoianie (Bolsheviki i neproletarskie partii v Kazakhstane 1917–1920 hh.)* [Confrontation (Bolsheviks and non-proletarian parties in Kazakhstan, 1917–1920)]. Almaty [in Russian].
- 26 Men'kovskii, V.I., & Petachenko, G.A. (2013). *Osnovnye etapy istorii Ukrainy i Rossii* [The main stages of the history of Ukraine and Russia]. Minsk. *elib.bsu.by*. Retrieved from: <http://elib.bsu.by/handle> [in Russian].
- 27 Koigel'diev, M.K. (1995). *Alashkozhalysy* [Alash movement]. Almaty: Sanat [in Russian]; Koigel'diev, M.K. (1997). *Tutas Turkistan ideiasy zhane Mustafa Shokaiuly* [Whole Turkistan idea and Mustafa Shokayuly]. Almaty [in Russian]; Nurpesov, K.N. (1995). *Alashhem Alashorda* [Alashand Alashorda]. Almaty [in Russian]; Koshchanov, B.A. (1994). *Bolsheviki v Turkestane, 1917–1922 hh. (Doktrina i realnost)* [The Bolsheviks in Turkestan, 1917–1922. (Doctrine and Reality)]. *Doctor's thesis*. Moscow [in Russian]; Abylgazina, A.E. (1997). *Demokratizatsiia hosudarstvennoi obshchestvenno-politicheskoi zhizni v Kazakhstane (fevral-oktiabr 1917 h.)* [Democratization of state and socio-political life in Kazakhstan (February–October 1917)]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian]; Rustemov, S.K. (1997). *XX h. basyndahy kokhamdyk-saiiai omirindehi musulmandyk kozhalys* [Muslim movements in social and political life in the early 20th century]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian]; Radzhapov, A.O. (1998). *Ontustik Kazakhstan 1917 zh. kos revoliutsiia tusynda* [South Kazakhstan during the revolution of 1917]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian]; Mahaeva, A.Sh. (1995). *Kazakh komitetteri: kurylyuy men kyzmetinin tarikhy (nauryz 1917 - mausym 1918 zhzh.)* [Kazakh Committees: Foundation and History of Activities]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian]; Akkuly, S.H. (2016). *Alikhan Bukeikhanov* [Alikhan Bukeikhanov]. Almaty [in Russian].
- 28 Masanov, N.Eh., Abylhozhin, Zh.B., & Erofeeva, I.V. (2007). *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana* [Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan]. Almaty [in Russian].
- 29 Abuseitova, M.H. & Abylhozhin, Zh.B. et al. (2001). *Istoriia Kazakhstana i Tsentralnoi Azii* [History of Kazakhstan and Central Asia]. Almaty [in Russian].
- 30 Amanzholova, D.A. (1992). *Dvizhenie Alash v 1917 hodu* [Alash movement in 1917]. Moscow; The same author. (1993). *Partiia Alash* [Party Alash]. Semipalatinsk; The same author. (1994) *Kazakhskii avtonomizm i Rossiia. Istoriia dvizheniia Alash* [Kazakh autonomy and Russia. History of the Alash movement]. Moscow: Rossiia molodaia; The same author. (2004). *Kazakhskaiia avtonomiia: ot zamysla natsionalov k samoopredeleniiu po-sovetski* [Kazakh autonomy: from the intentions of the nationals to self-determination in a Soviet way]. *Acta slavica lapomcu Tomus, XXI*. Sapparo, Japon; The same author. (2005). *Rossiia i Tsentralnaia Aziia 1905-1925 hh.* [Russia and Central Asia 1905-1925]. Karaganda; The same author. (2006). *Kazakhskoe obshchestvo v 1-i chetverti XX veka* [Kazakh Society in the First Quarter of the Twentieth Century]. *Rossiia i Kazakhstan: problemy istorii (XX–nachalo XXIveka) – Russia and Kazakhstan: Problems of History (20th-early 21st Century)*. Moscow [in Russian].
- 31 Amanzholova, D.A. (2009). *Na izlome. Alash v etnopoliticheskoi istorii Kazakhstana* [On the break. Alash in the ethnopolitical history of Kazakhstan]. Almaty: Izdatelskii dom «Taimas» [in Russian].
- 32 Chamberlin, W. (1935). *The Russian Revolution. 1917-1921.* (Vol. 2). N.Y.; Castagne, J. (1925). *Les musulmans et la politique des Soviets enAsie Centrale.*
- 33 *Problemy istorii Kazakhstana sovetskogo perioda v zapadnoi istoriografii* (2009) [Problems of the History of Kazakhstan of the Soviet Period in Western Historiography]. *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) – History of Kazakhstan (from ancient times to our days), Vol. 4, 768.* Almaty: Atamura [in Russian].
- 34 Bennigsen, A., & Lemers'e-Kel'kezhe, Sh. (1981). *Zabytye musulmane. Islam v Sovetskom Soiuze* [Forgotten Muslims. Islam in the Soviet Union]. Parizh, Maspéro; (2005). *Delovaia Nedelia, 33(661), 2 sentiabria* [in Russian].
- 35 Olcott, M.B. (1987). *Kazakhi* [The Kazakhs]. Stanford [in Russian].
- 36 Buttino, M. (2007). *Revoliutsiia naoborot. Sredniaia Aziia mezhdu padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR* [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the tsarist empire and the formation of the USSR]. Moscow [in Russian].